

Иван Алексеевич Бунин (1870–1953)

Как прекрасны
бывают
некоторые
люди, их лица,
из которых
так и смотрится
вся их душа!

И. А. Бунин

Иван Алексеевич Бунин родился 22 октября 1870 года в Воронеже в обедневшей дворянской семье, прежде родовитой. Детство Бунина прошло в Воронеже и в наследственном поместье под Ельцом.

Работал журналистом в Орле, Курске, Харькове.

Первый сборник стихотворений Бунина вышел в 1891 году. Через пять лет в печати появился его перевод поэмы американского поэта-романтика Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате». Именно за это произведение, а также за стихотворный сборник «Листопад» в 1903 году Бунин был удостоен Пушкинской премии Петербургской академии наук. Спустя несколько лет Бунин получает вторую Пушкинскую премию. В 1909 году Иван Алексеевич избирается почетным академиком.

Он пробует себя в прозаических жанрах — пишет повести, рассказы, очерки, которые похожи на живописные зарисовки. Впоследствии его манеру назовут импрессионистической.

Выход в свет повести «Деревня» принес писателю широкое признание. В этой повести Бунин запечатлел разрушение патриархального быта без элегической меланхолии. В следующей повести «Суходол» показан процесс разорения «дворянских гнезд», эта тема становится главной темой произведений Бунина.

Еще одна важная бунинская тема, раскрывающаяся в произведениях, написанных в 10-е годы нового века («Грамматика любви», «Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание», «Сны Чанга»), — предчувствие назревания катастрофы, изображение трагичности жизни.

К революции Бунин отнесся резко отрицательно, воспринимая ее как катастрофу для страны, ведущую к краху, исчезновению культуры. Он запечатлел «кровавое безумие» первых лет нового мира в дневнике под названием «Окаянные дни».

В 1920 году писатель эмигрирует. Он живет во Франции. В эмиграции Бунин пишет повесть «Митина любовь», книги рассказов «Солнечный удар» и «Божье древо».

В 1930 году в Париже напечатан роман писателя «Жизнь Арсеньева», за который в 1933 году Бунину была присуждена Нобелевская премия — первому среди русских писателей.

В годы Второй мировой войны Бунин живет во Франции, в Грассе. Именно в это время он пишет рассказы о любви, вышедшие в книге «Темные аллеи» в 1943 году. Сам писатель считал эту книгу лучшим из всего им созданного.

Последние годы Бунин работал над книгой о своем учителе А. П. Чехове.

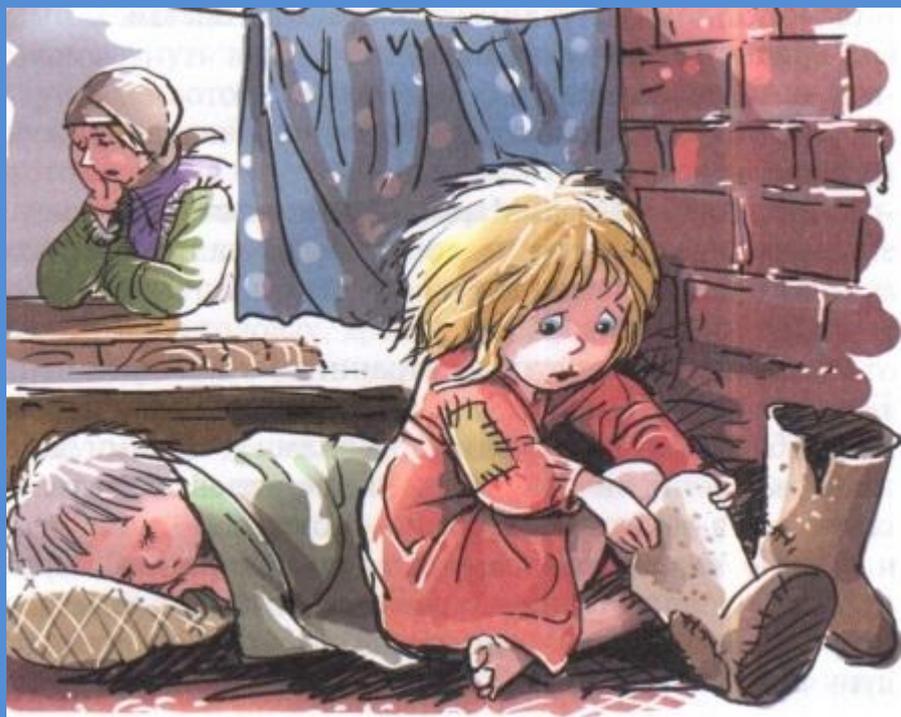
Умер 8 ноября 1953 года в Париже, похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Опережающие задания

- Историческая справка о положении крестьян в пореформенной России конца XIX века.
- Биография И.А.Бунина (с презентацией, но коротко (5 минут)).
- **Наизусть отрывок**
 - А Таньке снился сад, по которому она вечером ехала к дому. Сани тихо бежали в чащах, опушенных, как белым мехом, инеем. Сквозь них роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зеленые - звезды... Кругом стояли как будто белые хоромы, иней сыпался на лицо и щекотал щеки, как холодный пушок... Снился ей Васька, часовые рулады, слышалось, как мать не то плачет, не то поет в темной дымной избе старинные песни...

Рассказ «Танька» 1892

Анализ
рассказа.

8 класс

Время и история создания рассказа

В 1893 году в народническом журнале “Русское богатство” вышел в свет рассказ мало кому известного молодого литератора Ивана Бунина “Танька”. Впрочем, читатели могли вспомнить его стихотворение “У могилы С.Я.Надсона”, опубликованное в 1887 году в петербургском журнале “Родина”. Для семнадцатилетнего юноши, живущего в провинции, появление стихотворения собственного сочинения в толстом столичном журнале стало, несомненно, вехой в жизни, но успешной он эту публикацию не считал. Точкой отсчета, с которой началась серьезная литературная деятельность будущего Нобелевского лауреата, стал рассказ “Танька”. Через четыре года, в 1897 году, Бунин выпустит свою первую книгу художественной прозы - сборник рассказов “На край света”, имя молодого литератора узнает вся Россия.

Вопрос о судьбах русского крестьянства особенно остро волновал русскую интеллигенцию на рубеже XIX — XX веков. Реформа только усугубила и без того тяжелое положение крестьян России. И. А. Бунину не могло оставить равнодушным такое положение тружеников, кормящих отечество хлебом. В отношении людей мужицкого мира в дореволюционных деревенских вещах Бунина все симпатии и неподдельное сочувствие художника на стороне бедных, изнурённых безнадежной нуждой, голодом (почти все его деревенские герои постоянно хотят есть, мечтают о еде – о краюхе хлеба, луковице, картошках с солью), унижениями от власть и капитал имущих. Вопрос о судьбах русского крестьянства особенно остро волновал русскую интеллигенцию на рубеже XIX — XX веков. Реформа только усугубила и без того тяжелое положение крестьян России. И. А. Бунину не могло оставить равнодушным такое положение тружеников, кормящих отечество

Поэтика Бунина

Уже в ранних произведениях Бунина сложилась его особая манера: стремление к максимальной сжатости прозы, детализации повествования, одушевлению природы. Рассказы писателя относятся к жанру «лирический очерк»

Сюжет рассказа

• Место действия рассказа — деревня зимой. Голод и обнищание. Маленькая девочка Танька спит на печке вместе с братиком. Семья голодает, они вынуждены были продать корову и лошадь совсем за бесценок. Но все равно кормить детей нечем. Мать отправляет детей с самого утра гулять на улицу, а вечером, чтобы не просили есть, рано укладывает их спать. У матери сердце от боли разрывается. Она рассказывает о бедственном положении страннику, ночевавшему у них в доме. Танька, проснувшись от холода, услышала, как «заголосила» мать. От невыносимости этого звука она решает зимним утром бежать на улицу.

Сюжет рассказа

- На улице Танька, одетая в тряпье, замерзает. Ее подбирает барин Павел Антоныч и везет к себе в гости. Это добрый старый человек, у которого умерла жена. Он усердный хозяин. Крепостных он отпустил. Сын-студент сослан в Сибирь. Барин живет одиноко.
- Он хочет обогреть и накормить замерзшего ребенка. Павел Антоныч показывает Таньке часы, поит ее чаем с молоком, поет ей песни под гитару. Ему невыносимо грустно видеть это юное и несчастное существо, обреченное на бедность. Он думает о ее будущем, о голодающих людях в деревнях. Вечером он отвозит Таньку домой. Ей уютно и хорошо, она сыта и счастлива, ей снится сон про сад, звезды, Ваську, часы, мать.

Система образов

Главный герой

Танька

Её

семья

Марья

Корней

Васька

Родители

Младший
брат

Лошадники
(«анчихристы») во
главе с Талдыкиным

Странник

Барин
Павел
Антоныч

Работник
Егор

Продажа лошади

- В крестьянском хозяйстве это незаменимый помощник и единственное средство передвижения.
- С её помощью пахали, сеяли, убирали урожай.
- Лишиться лошади для крестьянина – все равно что остаться без ног и без рук.

Лошадники

Бунин создает
отталкивающие образы
лошадников
(«анчихристов»): «черны,
засалены, подпоясаны по
кострецам» (распоясаны,
развязны!). Черный цвет в
их описании символичен,
так как не менее черны их
души, не ведающие

сострадания

Талдыкин

Особенно мерзок Талдыкин. Авторское антипатичное отношение к нему читается во многих говорящих деталях: выразительно неприятной собачьей внешности («физиономия мопса»), в том, что он «еще чернее» своих компаньонов (опять же и буквально, и фигурально!), в многочисленных подробностях его подлого поведения, главный мотив которого – желание купить лошадь за бесценок – шит белыми нитками.

Бунин использует еще один способ выражения авторской оценки – говорящую фамилию – Талдыкин. Она неблагозвучна и образована от сниженного глагола «талдычить» в значении «твердить одно и то же, настаивать на своем, упорствовать». Как же, упорства ему не занимать, - Талдыкин сумел настоять на своей цене, обобразав нищего крестьянина!

Разговор со странником

Странник исподлобья долго глядел на нее и сказал:

- Горевать, тетка, нечего.

Марья молчала.

- Нечего, - повторил странник. - Бог даст день, бог даст пищу. У меня, брат, ни крова, ни дома, пробираюсь бережками и лужками, рубежами и межами да по задворкам - и ничего себе... Эх, не ночевывала ты на снежку под ракитовым кустом - вот что!

- Не ночевывал и ты, - вдруг резко ответила Марья, и глаза ее заблестели, - с ребятишками с голодными, не слышал, как голосят они во сне с голоду! Вот что я им суну сейчас, как встанут? Все дворы еще до рассвету обегала - Христом богом просила, одну краюшечку добыла... и то, спасибо. Козел дал... у самого, говорит, оборочки на лапти не осталось... А ведь ребят-то жалко - в отделку сморились...

ДВЕ ПРАВДЫ. Кто прав? Кому труднее?

Значение эпизода

Этот эпизод спора Марьи со странником важен и для раскрытия духовного, эмоционального потенциала героев рассказа (позволяет Марье высказать свою боль, а Таньке понять боль матери, ее проблему и по-детски искать возможность помочь ей, что рождает решение бежать на улицу, побыть там весь день до вечера и не просить есть), и для развития сюжета (замерзшую Таньку замечает барин).

Конфликт

Внешний:

- голод и нищета, стремление выйти из этой ситуации и невозможность ее изменить.
- Сопутствующие, но не менее важные: между нуждой и теми, кто на ней наживается.

Внутренний

- Безысходность в душе Марьи, тревога в душе Таньки.
- Смятение и слабая надежда на лучшее в душе барина, которому тоже тяжело живется, но их – Танькиной семьи и его – трудности несопоставимы.

Композиция

- **Экспозиция** — история продажи лошади, воспоминания Таньки,
- **завязка** — разговор Марьи со странником и уход Таньки из дома,
- **развитие действия** — встреча Таньки с баринном Павлом Антонычем,
- **кульминация** — размышление Павла Антоныча о судьбе Таньки, о судьбе русской деревни,
- **развязка** — сон Таньки.

Пафос

ТЕОРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ

Изображая в своём произведении явления жизни, автор так или иначе выражает своё отношение к предмету изображения, используя различные виды **пафоса** (от греч. pathos — воодушевление, чувство, страсть, страдание, основной тон), или **типы авторской эмоциональности**: героику, романтику, трагизм, комизм

и т. д.

Тема голода и обнищания русской деревни – центральная тема рассказа: детей Марье кормить нечем.

Тема нравственной чистоты, честности, беззащитности, христианской покорности судьбе.

Тематика. Пафос

Тема трудолюбия.

Тема выносливости, **выносливости** русского крестьянина и – шире – русского человека.

В рассказе сочетается сатирический (в изображении лошадиников), трагический (чувство безысходности, обреченности крестьянской семьи) и патриотический (героический) пафос – чувство гордости за свой народ и вера в его лучшее будущее. Ну не может все закончиться плохо, усилия (нравственные, физические) и терпение должны быть вознаграждены! Поэтому Таньке снится в конце счастливый сон и финал у рассказа открытый.

Помещик Павел Антоныч

**Расскажите о герое подробно
по плану**

1. История жизни.
2. Павел Антоныч принимает гостей.
3. Печальные мысли Павла Антоныча.

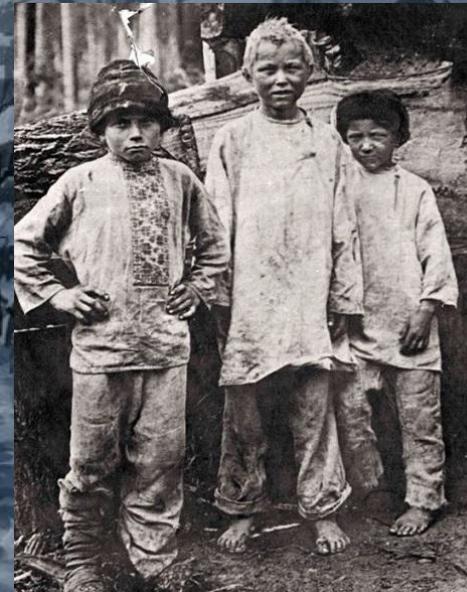
Он глядел на задремывающую Таньку, и ему стало казаться, что это она, уже молодой деревенской красавицей, поет вместе с ним песни:

**По заре-заре
Играть хочется!**

Деревенской красавицей! А что ждет ее? Что выйдет из ребенка, повстречавшегося лицом к лицу с голодной смертью?..

Он вспомнил соседние деревушки, вспомнил их обитателей. Сколько их, таких деревушек, - и везде они томятся от голода!..

Контраст – принцип организации рассказа

Воспоминание о сытой жизни – голодная
жизнь

Уклад жизни семьи Таньки –
уклад жизни барина Павла
Антоныча

Мир действительности - мир сна
Таньки

Рефлексия

Составьте отзыв о прочитанном произведении в форме пирамиды «критиков».

1. О чём произведение? (1 слово)
2. Характер произведения. (2 слова)
3. Место и время действия. (3 слова)
4. Главные события в произведении. (4 слова)
5. Главные герои. Какие они? (5 слов)
6. Что вы почувствовали, когда читали начало, середину, конец произведения? (6 слов)
7. О чём произведение? (дополните 1-ую строку шестью словами)
8. Ваша реклама (антиреклама), рекомендация для прочтения произведения. (8 слов)

Домашнее задание

Устный сжатый пересказ + письменный анализ эпизода (по выбору)

- **Торг с лошаdnиками**
- **Танька в гостях у Павла Антоновича**

William M.

И.А.Бунин «ТАНЬКА»

ТЕКСТ

Таньке стало холодно, и она проснулась.

Высвободив руку из попонки, в которую она неловко закуталась ночью, Танька вытянулась, глубоко вздохнула и опять сжалась. Но все-таки было холодно. Она подкатилась под самую "голову" печи и прижала к ней Ваську. Тот открыл глаза и взглянул так светло, как смотрят со сна только здоровые дети. Потом повернулся на бок и затих. Танька тоже стала задремывать. Но в избе стукнула дверь: мать, шурша, протаскивала из сенец охапку соломы

- Холодно, тетка? - спросил странник, лежа на конике.

- Нет, - ответила Марья, - туман. А собаки валяются, - беспрерменно к метели.

Она искала спичек и гремела ухватами. Странник спустил ноги с коника, зевал и обувался.

коник м. - устар. Лавка, скамья в крестьянской избе возле двери или печи в виде длинного ящика с крышкой.

В окна брезжил синеватый холодный свет утра, под лавкой шипел и крякал проснувшийся хромой селезень. **Теленок поднялся на слабые растопыренные ножки**, судорожно вытянул хвост и так глупо и отрывисто мякнул, что странник засмеялся и сказал:

- **Сиротка! Корову-то прогусарили?**

- **Продали.**

- **И лошади нету?**

- **Продали.**

Танька раскрыла глаза.

Продажа лошади особенно врезалась ей в память. "Когда еще картохи копали", в сухой, ветреный день, **мать на поле полудновала, плакала и говорила, что ей "кусочек в горло не идет"**, и Танька все смотрела на ее горло, не понимая, о чем толк.

Потом **в большой крепкой телеге** с высоким передком приезжали "анчихристы". Оба они были похожи друг на дружку - **черны**, засалены, подпоясаны по кострецам.

Кострец. Кострец, костреца, муж. В теле человека и животного - нижняя часть крестца.

За ними пришел еще один, **еще чернее**, с палкой в руке, что-то громко кричал я, немного погодя, вывел со двора лошадь и побежал с нею по выгону, за ним бежал отец, и Танька думала, что он погнался отнимать лошадь, догнал и опять увел ее во двор. Мать стояла на пороге избы и голосила. Глядя на нее, заревел во все горло и Васька. Потом "**черный**" опять вывел со двора лошадь, привязал ее к телеге и рысью поехал под гору... И отец уже не погнался...

"**Анчихристы**", лошадики-мещане, были, и правда, **свирепы на вид**, особенно последний - **Талдыкин**. Он пришел позднее, а до него **два первые только цену сбивали**. Они наперебой пытали лошадь, драли ей морду, били палками.

- Ну, - кричал один, - смотри сюда, получай с богом деньги!

- Не мои они, побереги, полцены брать не приходится, - **уклончиво отвечал Корней**.

- Да какая же это полцена, ежели, к примеру, кобыленке боле годов, чем нам с тобой? Молись богу!

- Что зря толковать, - **рассеянно** возражал Корней.

Тут-то и пришел **Талдыкин**, здоровый, толстый мещанин с физиономией мопса: блестящие, злые черные глаза, форма носа, скулы, - все напоминало в нем эту собачью породу.

- Что за шум, а драки нету? - сказал он, входя и улыбаясь, если только можно назвать улыбкой раздувание ноздрей.

Он подошел к лошади, остановился и долго равнодушно молчал, глядя на нее. Потом повернулся, небрежно сказал товарищам: "Поскореича, ехать время, я на выгоне дождю", - и пошел к воротам.

Корней нерешительно окликнул:

- Что же не глянул лошадь-то!

Талдыкин остановился.

- Долгого взгляда не стоит, - сказал он.

- Да ты поди, побалакаем...

Талдыкин подошел и сделал ленивые глаза.

- Ну?

Тут-то и пришел **Талдыкин**, здоровый, толстый мещанин с физиономией мопса: блестящие, злые черные глаза, форма носа, скулы, - все напоминало в нем эту собачью породу.

- Что за шум, а драки нету? - сказал он, входя и улыбаясь, если только можно назвать улыбкой раздувание ноздрей.

Он подошел к лошади, остановился и долго равнодушно молчал, глядя на нее. Потом повернулся, небрежно сказал товарищам: "Поскореича, ехать время, я на выгоне дождю", - и пошел к воротам.

Корней нерешительно окликнул:

- Что же не глянул лошадь-то!

Талдыкин остановился.

- Долгого взгляда не стоит, - сказал он.

- Да ты поди, побалакаем...

Талдыкин подошел и сделал ленивые глаза.

- Ну?

Он внезапно ударил лошадь под брюхо, дернул ее за хвост, пощупал под лопатками, понюхал руку и отошел.

- Плоха? - **стараясь шутить, спросил Корней.**

Талдыкин хмыкнул:

- Долголетня?

- Лошадь не старая.

- Тэк. Значит, первая голова на плечах?

Корней смутился.

Талдыкин быстро всунул кулак в угол губ лошади, взглянул как бы мельком ей в зубы и, обтирая руку о полу, насмешливо и скороговоркой спросил:

- Так не стара? Твой дед не ездил венчаться на ней?.. Ну, да нам сойдет, получай **одиннадцать желтеньких.**

И, не дожидаясь ответа Корнея, достал деньги и взял лошадь за оброть.

- Молись богу да полбутылочки ставь.

- Что ты, что ты? - обиделся Корней - **Ты без креста, дядя!**

- Что? - воскликнул Талдыкин грозно, - обабурился? Денег не желаешь? Бери, пока дурак попадается, бери, говорят тебе!

- **Да какие же это деньги?**

- **Такие, каких у тебя нету.**

- Нет, уж лучше не надо.

- **Ну, через некоторое число за семь отдашь, с удовольствием отдашь, - верь совести.**

Корней отошел, взял топор и с деловым видом стал тесать подушку под телегу.

Потом пробовали лошадь на выгоне... **И как ни хитрил Корней, как ни сдерживался, не отвоевал-таки!**

Когда же **пришел октябрь** и в посиневшем от холода воздухе замелькали, повалили белые хлопья, заноса выгон, лазины и завалинку избы, **Таньке каждый день пришлось удивляться на мать.**

Бывало, с началом зимы для всех ребятишек начинались истинные мучения, проистекавшие, с одной стороны, от желания удрать из избы, пробежать по пояс в снегу через луг и, катаясь на ногах по первому синему льду пруда, бить по нем палками и слушать, как он гулькает, а с другой стороны - от грозных окриков матери.

- Ты куда? Чичер, холод - а она, насося! С мальчишками на пруд! Сейчас лезь на печь, а то смотри у меня, демоненок!

Бывало, с грустью приходилось довольствоваться тем, что на печь протягивалась чашка с дымящимися рассыпчатыми картошками и ломоть пахнувшего клетью, круто посоленного хлеба. **Теперь же мать совсем не давала по утрам ни хлеба,**

~~ни картошек, ни пруда, ни хлеба, ни этого, ни того.~~

Чичер м., **чичера** ж. - "резкий ветер с дождем", тульск., орл., ряз., тамб. (Даль), "мелкий дождь", воронежск.

Прошлую зиму Танька и даже Васька ложились спать поздно и могли спокойно наслаждаться сиденьем на "групке" печки хоть до полуночи. В избе стоял распаренный, густой воздух; на столе горела лампочка без стекла, и копоть темным, дрожащим фитилем достигала до самого потолка. **Около стола сидел отец и шил полушубки; мать чинила рубахи или вязала варежки; наклоненное лицо ее было в это время кротко и ласково, тихим голосом пела она "старинные" песни, которые слыхала еще в девичестве, и Таньке часто хотелось от них плакать.** В темной избе, завеянной снежными вьюгами, вспоминалась Марье ее молодость, вспоминались жаркие сенокосы и вечерние зори, когда шла она в девичьей толпе полевой дорогой с звонкими песнями, а за ржами опускалось солнце и золотую пылью сыпался сквозь колосья его догорающий отблеск. **Песней** говорила она дочери, что и у нее будут такие же зори, будет все, что проходит так скоро и надолго, надолго сменяется деревенским горем и

Когда же мать собирала ужинать, Танька в одной длинной рубашонке съерзывала с печи и, часто перебирая босыми ножками, бежала на коник, к столу. Тут она, как зверок, садилась на корточки и быстро ловила в густой похлебке сальце и закусывала огурцами и картошками. Толстый Васька ел медленно и таращил глаза, стараясь всунуть в рот большую ложку... После ужина она с тугим животом так же быстро перебежала на печь, дралась из-за места с Васькой и, когда в темные оконца смотрела одна морозная ночная муть, засыпала сладким сном под молитвенный шепот матери: "Угодники божий, святителю Микола милосливый, столп-охранение людей, матушка пресвятая Пятница - молите бога за нас! Хрест в

Теперь мать рано укладывала спать, говорила, что ужинать нечего, и грозила "глаза выколоть", "слепым в сумку отдать", если она, Танька, спать не будет. Танька часто ревела и просила "хоть капусты", а спокойный, насмешливый Васька лежал, драл ноги вверх и ругал мать:

- Вот домовой-то, - говорил он серьезно, - все спи да спи! Дай батя дождать!

Батя ушел еще с Казанской, был дома только раз, говорил, что везде "беда", - полушубков не шьют, больше помирают, - и он только чинит кое-где у богатых мужиков. Правда, в тот раз ели селедки, и даже "вот такой-то кусок" соленого судака батя принес в тряпочке. "На кстинах, говорит, был третьего дня, так вам, ребята, спрятал..." **Но когда батя ушел, совсем почти есть перестали**

Странник обулся, умылся, помолился богу; широкая его спина в засаленном кафтане, похожем на подрясник, сгибалась только в пояснице, крестился он широко. Потом расчесал бородку-клинушек и выпил из бутылочки, которую достал из своего походного ранца. Вместо закуски закурил сигарку. Умытое лицо его было широко, желто и плотно, нос вздернут, глаза глядели остро и удивленно.

- Что ж, тетка, - сказал он, - даром солому-то жжешь, варева не ставишь?

- Что варить-то? - спросила Марья отрывисто.

- Как что? Ай нечего?

- Вот домовой-то... - пробормотал Васька.

Марья заглянула на печку:

- Ай проснулся?

Васька сопел спокойно и ровно.

Танька прижукнулась.

- Спят, - сказала Марья, села и опустила голову.

Странник исподлобья долго глядел на нее и сказал:

- Горевать, тетка, нечего.

Марья молчала.

- Нечего, - повторил странник. - Бог даст день, бог даст пищу. У меня, брат, ни крова, ни дома, пробираюсь бережками и лужками, рубежами и межами да по задворкам - и ничего себе... **Эх, не ночевывала ты на снежку под ракитовым кустом - вот что!**

- Не ночевывал и ты, - вдруг резко ответила Марья, и глаза ее заблестели, - с ребятишками с голодными, не слышал, как голосят они во сне с голоду! Вот что я им суну сейчас, как встанут? Все дворы еще до рассвету обегала - Христом богом просила, одну краюшечку добыла... и то, спасибо. Козел дал... у самого, говорит, оборочки на лапти не осталось... А ведь ребят-то жалко - в отделку сморились...

Голос Марьи зазвенел.

- Я вон, - продолжала она, все более волнуясь, - гоню их каждый день на пруд... "Дай капусташки, дай картошечек..." А что я дам? Ну, и гоню: "Иди, мол, поиграй, деточка, побегай по ледочку..."

Марья всхлипнула, но сейчас же дернула по глазам рукавом, поддала ногой котенка ("У, погибели на тебя нету!..") и стала усиленно сгребать

на полу содому

Танька замерла. Сердце у нее стучало. Ей хотелось заплакать на всю избу, побежать к матери, прижаться к ней... Но вдруг она придумала другое. Тихонько поползла она в угол печки, торопливо, оглядываясь, обулась, закутала голову платком, съерзнула с печки и шмыгнула в дверь.

"Я сама уйду на пруд, не буду просить картох, вот она и не будет голосить, - думала она, спешно перелезая через сугроб и скатываясь в луг. - Аж к вечеру приду..."

По дороге из города ровно скользили, плавно раскатываясь вправо и влево, легкие "kozyрки", меринок шел в них ленивой рысцою. Около саней легонько бежал молодой мужик в новом полушубке и одеревеневших от снегу нагольных сапогах, господский работник. Дорога была раскатистая, и ему поминутно приходилось, завидев опасное место, соскакивать с передка, бежать некоторое время и затем успеть задержать собой на раскате сани и снова вскочить бочком на облучок.

В санях сидел седой старик, с зависшими бровями, барин Павел Антоныч. Уже часа четыре смотрел он в теплый, мутный воздух зимнего дня и на придорожные вешки в инее.

Давно ездил он по этой дороге... После Крымской кампании, проиграв в карты почти все состояние, Павел Антоныч навсегда поселился в деревне и стал самым усердным хозяином. Но и в деревне ему не посчастливилось... Умерла жена... Потом пришлось отпустить крепостных... Потом проводить в Сибирь сына-студента... И Павел Антоныч стал совсем затворником. Он втянулся в одиночество, в свое скупое хозяйство, и говорили, что во всей округе нет человека более жадного и угрюмого. А сегодня он был особенно угрюм.

Морозило, и за снежными полями, на западе, тускло просвечивая сквозь тучи, желтела заря.

- Погоняй, потрогивай, Егор, - сказал Павел Антоныч отрывисто.

Егор задергал вожжами.

Он потерял кнут и искоса оглядывался.

Чувствуя себя неловко, он сказал:

- Что-й-то бог даст нам на весну в саду: прививочки, кажись, все целы, ни одного, почитай, морозом не тронуло.

- Тронуло, да не морозом, - отрывисто сказал Павел Антоныч и шевельнул бровями.

- А как же?

- Объедены.

- Зайцы-то? Правда, провалиться им, объели кое-где.

- Не зайцы объели.

Егор робко оглянулся.

- А кто ж?

- Я объел.

Егор поглядел на барина в недоумении.

- Я объел, - повторил Павел Антоныч, - Кабы я тебе, дураку, приказал их как следует закутать и замазать, так были бы целы... Значит, я объел.

Егор растянул губы в неловкую улыбку.

- Чего оскаляешься-то? Погоняй!

Егор, роясь в передке, в соломе, пробормотал:

- Кнут-то, кажись, соскочил, а кнутовище...

- А кнутовище? - строго и быстро спросил Павел Антоныч.

- Переломился...

И Егор, весь красный, достал надвое переломленное кнутовище. Павел Антоныч взял две палочки, посмотрел и сунул их Егору.

- На тебе два, дай мне один. А кнут - он, брат, ременный - вернись, найди.

- Да он, может... около городу.

- Тем лучше. В городе купишь... Ступай. Придешь пешком. Один доеду.

Егор хорошо знал Павла Антоныча. Он слез с передка и пошел назад по дороге.

А Танька благодаря этому ночевала в господском доме. Да, в кабинете Павла Антоныча был придвинут к лежанке стол, и на нем тихо звенел самовар. На лежанке сидела Танька, около нее Павел Антоныч. Оба пили чай с молоком.

Танька запотела, глазки у нее блестели яркими звездочками, шелковистые беленькие ее волосики были причесаны на косою ряд, и она походила на мальчика. Сидя прямо, она пила чай отрывистыми глотками и сильно дула в блюдечко. Павел Антоныч ел крендели, и Танька тайком наблюдала, как у него двигаются низкие серые брови, шевелятся пожелтевшие от табаку усы и смешно, до самого виска ходят челюсти.

Будь с Павлом Антонычем работник, этого бы не случилось. Но Павел Антоныч ехал по деревне один. На горе катались мальчишки. Танька стояла в сторонке и, засунув в рот посиневшую руку, грела ее. Павел Антоныч остановился.

- Ты чья? - спросил он.
- Корнеева, - ответила Танька, повернулась и бросилась бежать.
- Постой, постой, - закричал Павел Антоныч, - я отца видел, гостинчика привез от него.

Танька остановилась.

Ласковой улыбкой и обещанием "прокатить" Павел Антоныч заманил ее в сани и повез. Дорогой Танька совсем было ушла. Она сидела у Павла Антоныча на коленях. Лево́й рукой он захватил ее вместе с шубой. Танька сидела не двигаясь. Но у ворот усадьбы вдруг ерзнула из шубы, даже заголилась вся, и ноги ее повисли за санями. Павел Антоныч успел подхватить ее под мышки и опять начал уговаривать. Все теплей становилось в его старческом сердце, когда он кутал в мех оборванного, голодного и иззябшего ребенка. Бог знает что он думал, но брови его шевелились все живее.

В доме он водил Таньку по всем комнатам, заставлял для нее играть часы... Слушая их, Танька хохотала, а потом настораживалась и глядела удивленно: откуда эти тихие перезвоны и рулады идут? Потом Павел Антоныч накормил ее черносливом - Танька сперва не брала, - "он чернищий, нуко́сь умрешь", - дал ей несколько кусков сахара. Танька спрятала и думала:

"Ваське не дам, а как мать заголосит, ей дам".

Павел Антоныч причесал ее, подпоясал голубеньким пояском. Танька тихо улыбалась, втащила поясок под самые мышки и находила это очень красивым. На расспросы она отвечала иногда очень поспешно, иногда молчала и мотала головой.

В кабинете было тепло. В дальних темных комнатах четко стучал маятник... Танька прислушивалась, но уже не могла одолеть себя. В голове у нее роились сотни смутных мыслей, но они уже облекались сонным туманом.

Вдруг на стене слабо дрогнула струна на гитаре и пошел тихий звук. Танька засмеялась.

- Опять? - сказала она, поднимая брови, соединяя часы и гитару в одно.

Улыбка осветила суровое лицо Павла Антоныча, и давно уже не озарялось оно такою добротою, такою старчески-детскою радостью.

- погоди, - шепнул он, снимая со стены гитару. Сперва он сыграл "Качугу", потом "Марш на бегство Наполеона" и перешел на "Зореньку":

Заря ль моя, зоренька.

Он глядел на задремывающую Таньку, и ему стало казаться, что это она, уже молодой деревенской красавицей, поет вместе с ним песни:

По заре-зарю

Играть хочется!

Деревенской красавицей! А что ждет ее? Что выйдет из ребенка, повстречавшегося лицом к лицу с голодной смертью?

Павел Антоныч нахмурил брови, крепко захватив струны...

Вот теперь его племянницы во Флоренции... Танька и Флоренция!..

Он встал, тихонько поцеловал Таньку в голову, пахнущую курной избой.

Курная изба - изба с печью без дымохода. В такой избе дым при топке выходит через окно, открытую дверь или через дымницу в кровле.

Он вспомнил соседние деревушки, вспомнил их обитателей. Сколько их, таких деревушек, - и везде они томятся от голода!

Павел Антоныч все быстрее ходил по кабинету, мягко ступая валенками, и часто останавливался перед портретом сына...

А Таньке снился сад, по которому она вечером ехала к дому. Сани тихо бежали в чащах, опущенных, как белым мехом, инеем. Сквозь них роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зеленые - звезды... Кругом стояли как будто белые хоромы, иней сыпался на лицо и щекотал щеки, как холодный пушок... Снился ей Васька, часовые рулады, слышалось, как мать не то плачет, не то поет в темной дымной избе старинные песни...

Материалы

- <http://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2012/01/11/zhizn-krestyan-v-rasskaze-iabunina-tanki-6-y-klass>
- *Нестерова О. И. ГИА. Литература : универсальный справочник / О. И. Нестерова. -М. : Яуза-пресс, 2014. - 304 с. - (ГИА. Универсальный справочник).*

ПРЕЗЕНТАЦИЮ ВЫПОЛНИЛА

Бурмистрова Р.А.